

18+

ПОЛУНОЧНАЯ ДЕВУШКА

Мелисса Грей

О ЧЕМ МОЛЧАТ АНГЕЛЫ...

Полуночная девушка

Мелисса Грей

Полуночная девушка

«Издательство АСТ»

2015

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)-44

Грей М.

Полуночная девушка / М. Грей — «Издательство АСТ»,
2015 — (Полуночная девушка)

Глубоко под мостовыми Нью-Йорка живут птеры, покрытые перьями и владеющие магией. Никто из обычных людей даже не подозревает о существовании этой древней расы. Никто, кроме юной Эхо, для которой птеры стали единственной семьей. Эхо умна и отважна, а главное – бесконечно предана принявшему ее народу. И когда птерам вновь начинают угрожать люди-драконы, их извечные враги, она принимает решение действовать. Ей предстоит найти артефакты, которые, согласно пророчеству, помогут положить конец древнему противостоянию. На этом пути ее ждут потери и разочарование, надежда и любовь.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)-44

© Грей М., 2015
© Издательство АСТ, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Мелисса Грей

Полуночная девушка

Melissa Grey
The Girl At Midnight

Пер. с англ. Ю. Полещук

Copyright © Melissa Grey, 2015
© Ю. Полещук, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

В библиотеку Птера пришла в поисках надежды.

Она шагала вдоль стеллажей в главном здании Нью-йоркской публичной библиотеки, держа одну руку в кармане плаща, а второй ведя по потрепанным корешкам популярных книг и покрытым пылью обложкам томов, которые не пользовались читательской любовью. И хотя последний посетитель покинул залы несколько часов назад, Птера не снимала солнечных очков, а ее голову и шею закрывала шаль. В тусклом свете библиотеки темная кожа Птеры казалась почти человеческой, но перья вместо волос и угольно-черные глаза, большие и блестящие, как у ворона, выдавали птератуса.

Она любила книги. Они помогали забыть об обязанностях, о членах Совета старейшин, которые нуждались в помощи Птеры, единственной живой пророчицы, и о войне, тянувшейся многие десятилетия. Более века прошло с последнего крупного сражения, но угроза нападения по-прежнему существовала, и враги следили друг за другом, выжидая, когда один из них сделает ошибку и разгорится пламя, потушить которое будет не под силу никому. Пальцы Птеры замерли: ее внимание привлекло название книги. «Повесть о двух городах»¹. Как было бы славно почитать о чужой войне! Может, удастся забыть о своей. Птера хотела было снять книгу с полки, как вдруг почувствовала, что кто-то легонько дернул ее за карман плаща.

Резким движением Птера схватила воришку за руку. Бледная тощая девчонка крепко сжимала в крошечном кулачке ее кошелек. Широко раскрытыми карими глазами она, не моргая, таращилась на запястье Птеры.

– У вас перья растут, – проговорила девчонка.

Сколько Птера себя помнила, ни один человек, увидев ее перья, не реагировал так спокойно. Она выпустила руку воришки, одернула задравшийся рукав, поправила пальто и шаль, закрывавшую голову и шею.

– Отдай кошелек.

Вместо денег в нем лежал мелкий черный порошок, который в руке Птеры наполнялся энергией, но девчонке совершенно незачем было об этом знать.

Воришка подняла глаза на Птеру.

– А почему у вас перья?

– Дай сюда кошелек.

Девчонка и бровью не повела.

– А почему вы в библиотеке в солнечных очках?

– Сейчас же отдай кошелек.

Девчонка перевела взгляд на зажатый в кулаке кошелек, как будто раздумывая, возвращать его или нет, а потом снова посмотрела на Птеру.

– А почему на вас шаль? Июнь же.

– Для такой маленькой девчонки ты слишком любопытна, – ответила Птера. – Уже полночь. Тебя тут вообще быть не должно.

– Вас тоже, – ничуть не смутившись, ответила воришка.

Птера не удержалась от улыбки.

– И то правда. А где твои родители?

Девчонка напряженно огляделась в поисках выхода.

– Не ваше дело.

¹ «Повесть о двух городах» – исторический роман (1859) Ч. Диккенса о временах Французской революции. Здесь и далее прим. переводчика.

– Давай так. – Птера наклонилась, чтобы ее глаза оказались вровень с девочкиными. – Ты мне объяснишь, как получилось, что ты в полночь оказалась одна в библиотеке, а я тебе расскажу, почему у меня перья.

Незнакомка бросила на Птеру осторожный взгляд, странный для такой малышки.

– Я здесь живу.

Шаркнув грязно-белым кроссовком по линолеуму, девочка взглянула на Птеру из-под густых темных ресниц и спросила:

– А вы кто?

Не девочка, а шкатулка с вопросами. Кто вы? Что вы? Почему вы? Птера дала единственно возможный ответ:

– Я Птера.

Девочка закатила глаза.

– Ну а зовут вас как?

– Человеку это не выговорить, – пояснила Птера.

Девочка изумленно распахнула глаза и неуверенно улыбнулась.

– Как мне вас называть?

– Зови меня Нашей Птерой. Ну, или просто Птерой: так короче.

Воришка наморщила носик.

– Это же все равно что звать кошку кошкой.

– Пожалуй, – согласилась Птера, – но кошек в мире много, а Птера одна.

Похоже, такой ответ малышку удовлетворил.

– А почему вы здесь? Я раньше никого ночью в библиотеке не встречала.

– Иногда, – начала Птера, – когда мне грустно, я прихожу сюда, чтобы побродить среди книг. Они помогают забыть о проблемах. Как миллион друзей из бумаги и чернил.

– У вас что, нет обычных друзей? – поинтересовалась воришка.

– Да в общем, нет, – без тени печали ответила Птера. И это была сушая правда.

– Жаль. – Девочка взяла Птеру за руку и провела пальчиком по маленьким тонким перышкам, покрывавшим ее костяшки. – У меня тоже никого нет.

– И как же такая малютка пробралась сюда, да так, что никто из сотрудников библиотеки не заметил?

– Я умею прятаться, – чуть смущенно ответила незнакомка, – мне частенько приходилось скрываться. Там, дома. До того, как я пришла сюда. – Девочка решительно кивнула и добавила: – Здесь лучше.

Впервые за все время, что Птера себя помнила, у нее на глазах навернулись слезы.

– Извините, что я взяла ваш кошелек. – С этими словами девочка протянула его Птере.

– Мне хотелось есть. Если бы я знала, что вам грустно, я бы выбрала кого-нибудь другого.

Надо же, совестливая воришка.

– Как тебя зовут? – спросила Птера.

Девочка потупилась, но руку Птеры не выпустила.

– Не люблю это имя.

– Почему?

Малышка дернула костлявым плечиком:

– Потому что не люблю тех, кто меня так назвал.

Казалось, сердце Птеры вот-вот разобьется.

– Тогда выбери свое.

– А так можно? – с сомнением спросила девочка.

– Можно как угодно, – откликнулась Птера. – Но только подумай хорошенько, без спешки. Имена обладают силой.

Девочка улыбнулась, и Птера поняла, что сегодня вернется в Гнездо не одна. Она пришла в библиотеку в поисках надежды, а нашла ребенка. И только много лет спустя поняла, что это практически одно и то же.

Глава первая

Десять лет спустя

В жизни Эхо следовала двум правилам, первое из которых было очень простым: не попадаться.

Она осторожно заглянула в антикварную лавку, которая ютилась в глухом переулке возле ночного рынка Шилинь в Тайбэе. Вокруг входной двери клубились волшебные чары, точно марево над горячим цементом в жаркий летний день. Если смотреть прямо, не увидишь ничего, кроме обычной железной двери без надписей и табличек, но если наклонить голову чуть вправо, то можно уловить тусклый отблеск защитных заклятий, благодаря которым лавка оставалась невидимой для всех прохожих, кроме тех, кто знает, что ищет.

Сквозь трещины в витрине в лавку сочился свет неоновых огней с рынка. Вдоль стен тянулись полки, уставленные антиквариатом разной степени сохранности. На столе посередине комнаты лежали разобранные часы с кукушкой, висевшей на растянутой пружине. Колдун, державший лавку, заговаривал в основном предметы быта, часть из которых служила довольно-таки гнусным целям. Самые черные заклятья оставляли след. Эхо немало повидала колдовства на своем веку и чувствовала его: казалось, будто мороз пробегает по коже. Главное, не трогать эти вещи, тогда они не причинят вреда.

Эхо провела пальцем по краю стола. Большинство лежавших на нем предметов были изъедены ржавчиной или слишком сильно поломаны, чтобы ими пользоваться. Зеркало с серебряной ручкой было расколото посередине. Стрелки ржавых часов крутились назад. Медальон в форме сердечка был разломан пополам и расплюснен, как будто кто-то стукнул по нему молотком. Исправна была, кажется, лишь музыкальная шкатулка. Эмаль стерлась и местами откололась, но стоя птица, украшавшая крышечку, по-прежнему была отчетливо видна. Эхо раскрыла шкатулку, и из коробочки полилась знакомая мелодия, а на подставке закружилась крошечная черная пташка.

«Колыбельная сороки», – подумала Эхо и сняла с плеча рюкзак. Птере наверняка понравится, хотя она и не признает ни дней рождений, ни подарков на этот праздник.

Эхо потянулась к музыкальной шкатулке, и тут зажегся свет. Девушка резко обернулась: в дверях стоял колдун. Взгляд его белых как мел глаз (единственное, что выдавало нежить) был прикован к руке Эхо.

– Попалась.

Черт! Похоже, кое-какие правила придуманы для того, чтобы их нарушать.

– Вы меня не так поняли, – проговорила Эхо. Не самое лучшее объяснение, но ничего другого ей в голову не пришло.

Колдун приподнял единственную бровь.

– Да ну? Разве ты не решила меня обокрасть?

– Ладно, значит, вы все правильно поняли. – Эхо уставилась поверх плеча колдуна. – Ничего себе! А это еще что такое?

Колдун быстро оглянулся, и за эту долю секунды Эхо успела схватить музыкальную шкатулку, сунуть в рюкзак, перекинуть его через плечо и рвануть к выходу, врезавшись в колдуна плечом. Тот с криком рухнул на пол, а Эхо пулей вылетела на рыночную площадь.

«Правило номер два, – подумала Эхо, на ходу стащив из продуктового ларька булочку со свиной начинкой. – Не знаешь, что делать, – беги».

Заворачивая за угол, Эхо поскользнулась на мокром от моросившего весь день дождя тротуаре. Рынок кишел покупателями, в теплом воздухе витали густые ароматы уличной еды. Эхо откусила кусок булочки и поморщилась: пар обжег ей язык. Горячо, но очень вкусно. Правду говорят: ворованное всегда вкуснее, чем купленное. Эхо перепрыгнула через мутную лужу и едва не подавилась липким тестом и свининой. Есть на бегу труднее, чем кажется.

Она пробиралась сквозь толпу, уворачиваясь от тележек с товаром и зазевавшихся прохожих. Иногда хорошо быть маленькой. Преследовавшему ее колдуну приходилось куда труднее. Сначала он врезался в ларек с булочками, потом на землю с грохотом полетел дешевый фарфор – поделки для туристов. Колдун разразился бранью. Эхо плохо понимала по-китайски, но догадалась, что он обрушил на нее и ее предков град витеиватых проклятий. Люди не любят, когда у них что-то воруют, а уж колдуны тем более.

Эхо нырнула под тент, свисавший почти до земли, и оглянулась через плечо. Преследователь отстал, и между ними теперь было приличное расстояние. Эхо снова откусила от булки, роняя крошки на бегу. Что с того, что за ней гонится разъяренный колдун, обуреваемый жаждой мести, если сегодня она ничего не ела, кроме куска холодной пиццы на завтрак. Голод ждать не любит. Когда Эхо пробегала мимо пары полицейских, колдун крикнул им, чтобы те ее задержали. Они хотели было схватить девушку за рукав, но та улизнула, прежде чем они успели ее поймать.

«Слава богу, – подумала она, стараясь не обращать внимания на боль в мышцах. – Почти на месте».

Эхо заметила ярко освещенную вывеску станции метро Цзяньтань и выдохнула с облегчением: как только окажется на станции, останется лишь найти любую дверь, и она растворится в клубах дыма. Или, точнее, в клубах похожего на сажу черного порошка.

Эхо выбросила недоеденную булочку в урну и сунула руку в карман за мешочком, без которого не выходила из дома. Перепрыгнула через турникет, бросив через плечо небрежное «Извините!» растерянному дежурному по станции. Сзади послышался топот.

Впереди, на платформе, в каких-нибудь пятидесяти метрах, маячила дверь в подсобку, и Эхо знала, что она отлично подойдет. Она запустила руку в мешочек и достала пригоршню порошка. Сумеречная пыль. Можно было взять и меньше, но прыжок из Тайбэя в Париж легким не назовешь. Лучше перебдеть, чем недобдеть, даже если потом порошка может не хватить на возвращение в Нью-Йорк.

Эхо вымазала порошком ручку двери и ворвалась в подсобку. Колдун что-то крикнул ей, но едва за ней закрылась дверь, как его вопль стих вместе с грохотом прибывавших на станцию поездов и гулом разговоров на платформе. На мгновение остался лишь мрак. Девушка не растерялась, как в первый раз, когда путешествовала по междумирию, но все равно ей по-прежнему было не по себе. В пустом пространстве между здесь и там не было верха, низа, левой и правой стороны. При каждом шаге земля сдвигалась и коробилась у нее под ногами. Эхо сглотнула подступившую к горлу желчь и вытянула руку перед собой, не в силах расслышать и рассмотреть что-либо в вакууме темноты. Она вздохнула с облегчением, когда ее ладонь коснулась облупившейся краски двери под Триумфальной аркой.

У путешественников между мирами арка была популярной пересадочной станцией. И если повезет, то колдуну не скоро удастся напасть на след Эхо. Отследить перемещения в междумирье трудно, но все-таки можно, а колдуну с помощью черной магии сделать это куда проще. Как бы Эхо ни любила Париж весной, но надолго остаться не получится. Досадно, подумала девушка. Здешние парки в это время года очень красивы.

Эхо дошла до противоположного конца арки и оглядела толпу в поисках знакомой шапки, натянутой до бровей, чтобы скрыть яркие перья, и зеркальных солнечных очков, которые стоили больше, чем весь ее гардероб. Джаспер не отличался постоянством, но обычно слово держал. Эхо уже хотела уходить и думала, какую выбрать дверь для возвращения в Нью-Йорк, как

вдруг увидела его. Загорелая кожа, блестящие очки. Джаспер помахал ей. Губы Эхо растянулись в широкой улыбке, и она рванулась к нему сквозь толпу.

Добравшись, наконец, до Джаспера, Эхо выпалила, задыхаясь:

– Принес?

Джаспер выудил из сумки, висевшей у него на плече, крошечную бирюзовую шкатулочку, и Эхо заметила, что рама двери за его спиной уже вымазана сумеречной пылью. При желании Джаспер мог быть очень внимательным, но такое случалось нечасто.

– Разве я тебя когда-нибудь подводил? – ответил он.

Эхо ухмыльнулась.

– Постоянно.

Джаспер расплылся в ослепительной, но вместе с тем зловещей улыбке, бросил ей шкатулочку и энергично подмигнул. Эхо привстала на цыпочки и чмокнула его в щеку. Не успел он отпустить в ответ какое-нибудь остроумное замечание, как девушка юркнула за дверь и скрылась в междумирье. Эхо как-то поклялась, что последнее слово всегда останется за ней, Джаспер произнесет его разве что над ее холодным трупом, и до сих пор клятву свою держала.

Во второй раз путешествие сквозь промежуточное пространство далось ей легче, однако ее все равно чуть не вывернуло. Эхо ошупью брела в темноте и поморщилась, когда ее рука наконец-то коснулась двери. Выход на Центральный вокзал всегда был грязноват, даже по эту сторону междумирья.

«Нью-Йорк, – подумала Эхо. – Город, который никогда не бывает чистым».

Она вышла в один из коридоров, ведущих в главный вестибюль. Обогнула информационную стойку в центре зала, пробираясь сквозь толпу туристов, которые фотографировали созвездия на потолке, и пассажиров, ожидающих пригородных поездов. Ни один из них не догадывался, что у них под ногами прячется целый мир, скрытый от людских глаз. Ну, по крайней мере, от большинства. Чтобы его увидеть, надо знать, что ищешь, как в случае с той лавкой в Тайбэе. Эхо выждала несколько минут, не покажется ли колдун. А вдруг ему удалось проследить за ней до самой арки? Девушке совершенно не улыбалась перспектива привести его к своим дверям. Эхо была уверена, что колдуны – плохие гости, хотя, разумеется, этого не проверяла.

В животе у нее заурчало: несколькими кусками булочки со свиной начинкой не наешься. Эхо вспомнила потайную комнату в Нью-Йоркской публичной библиотеке, которую называла своим домом, и недоеденный буррито на столе. Утром она стянула его у ничего не подозревавшего студента, который дремал, положив голову на потрепанный экземпляр «Отверженных». В этой маленькой краже была своя поэзия, потому-то Эхо и стащила буррито. Ей давно уже не приходилось воровать еду, чтобы хоть как-то прокормиться, как в детстве, но если уж подвернулась такая возможность, то грех было ее упускать.

Эхо повертела шеей, чувствуя, как сковавшее ее напряжение уходит через пальцы. Вслушиваясь в грохот прибывающих и отъезжающих со станции поездов, она постепенно расслабилась. Гул убаюкивал, точно колыбельная. Оглядев напоследок вестибюль, Эхо перебросила рюкзак через плечо и направилась к выходу на Вандербилт-авеню. Ее дом находился всего лишь в нескольких кварталах от Центрального вокзала, а на столе дождался сворованный буррито.

Глава вторая

До самого закрытия в публичной библиотеке Нью-Йорка засиживались два типа читателей: научные работники; студенты, ошалевшие от кофеина; дотошные аспиранты-гуманитарии, корпящие над диссертациями, честолюбивые преподаватели, метящие на постоянную штатную должность в университете. И те, кому некуда было больше пойти; кто искал утешения в уютном мускусном запахе старых книг, тихом звуке чужого дыхания, шелесте переворачиваемых страниц и поскрипыванье деревянных стульев; кому хотелось верить в то, что они не одиноки, пускай и одни. Такие как Эхо.

Она как тень шла по библиотеке, еле слышно ступая по мраморному полу. Было довольно поздно, так что никто не поднял глаз от книги и не обратил внимания на девушку, с головы до ног одетую в черное, которая оказалась там, где ей нечего было делать. Эхо давным-давно нашла маршрут в обход сотрудников, считавших минуты до конца рабочего дня. А камер видеонаблюдения можно было не опасаться. Американские библиотекари доблестно отстаивали право читателей на неприкосновенность частной жизни, так что никаких камер здесь попросту не было. И это было одной из причин, по которой десять лет тому назад Эхо решила поселиться именно тут.

Она прошагала по узким проходам между стеллажами, вдыхая затхлый запах книг. Вскрабкалась по темной лестнице, которая вела к ней в комнатку. Казалось, воздух здесь сгустился, точно по волшебству. Охранные заклинания, которые Птера помогла ей наложить, отталкивали Эхо, но она с легкостью преодолела их сопротивление. Они должны были ее узнавать. А вот если бы на лестницу набрел кто-то другой, то наверняка раздумал бы подниматься, внезапно вспомнив про невыключенную плиту или срочную встречу, на которую уже опаздывает. На Эхо же заклятье не действовало.

Наверху лестницы находилась дверь, самая обычная, бежевая, как у любой другой библиотечной подсобки, но и она была заколдована. Эхо выудила из заднего кармана швейцарский перочинный нож, раскрыла его и уколола кончиком маленького лезвия подушечку мизинца. На пальце выступила кровь.

– Кровью моей, – прошептала Эхо.

Она прижала алую каплю к двери, и в воздухе послышался электрический треск, так что у Эхо волоски на загривке встали дыбом. Раздался негромкий щелчок, и дверь отворилась. Как и каждый раз, возвращаясь в свою тесную комнатку, битком набитую сокровищами, которые Эхо украла – или, точнее, выпустила на свободу – за эти годы, она ногой закрыла за собой дверь и произнесла, ни к кому не обращаясь:

– Солнышко, я дома.

После какофонии криков и шума Тайбэя и гула нью-йоркской толпы в час пик ответная тишина радовала. Эхо бросила рюкзак на пол у письменного стола, который утащила из библиотечной кучи мусора, предназначенного для переработки, и упала в кресло. Включила тянущуюся вдоль всей комнаты гирлянду, которая наполнила уютный уголок теплым светом.

Перед Эхо на столе лежал вожденный буррито в окружении всевозможных безделушек. Многочисленные вещицы украшали и все свободные поверхности в комнате. Здесь были крошечные нефритовые слоники с Пхукета. Жеоды из аметистовых рудников в Южной Корее. Настоящее яйцо Фаберже, инкрустированное рубинами и отделанное золотом. Вокруг на каждом свободном клочке пространства высились стопки книг, сложенных одна на другую в шаткие башни. Одни Эхо читала и перечитывала по десять раз, другие вообще не открывала. Однако само их присутствие успокаивало. И девушка копила их не менее охотно, чем прочие свои богатства. В семь лет она решила для себя, что воровать книги аморально, но поскольку все эти тома не покидали пределов библиотеки – она всего лишь перенесла их в другое место,

– тос *юридической точки зрения* это вовсе не кража. Эхо окинула взглядом книжные завалы, и на ум ей пришло одно-единственное слово: *цундоку*.

Так японцы называют явление, когда книги покупают и складывают в стопки, не читая. Слова Эхо тоже коллекционировала. И началось это задолго до того, как она попала в библиотеку, еще в ту пору, когда жила в доме, о котором ей не хотелось вспоминать, в семье, о которой с радостью позабыла бы. В те годы из книг у нее были только устаревшие энциклопедии. У Эхо почти не было вещей, зато всегда были слова. А теперь и тайник с украденными сокровищами – как съедобными, так и не очень.

Эхо поднесла буррито ко рту, собираясь откусить кусок, но ей помешал шорох крыльев. Лишь одно-единственное создание способно было не только путешествовать по междумирию без сумеречной пыли, но и обходить заклятья, не поднимая тревоги, и вечно являлось без предупреждения. Эхо вздохнула. *Вот невежа*.

– Говорят, в некоторых культурах, – начала Эхо, – принято стучаться. Хотя, может, и врут.

Она развернулась в кресле с буррито в руках. В углу, на кровати Эхо, сидела Птера, и черные перья ее чуть трепетали, как от ветра. Но никакого ветра не было. Только электричество в воздухе, вызванное ее силой.

– Не нуди. – Птера пригладила перья на руках. – Что ты как подросток!

Эхо нарочно откусила большой кусок буррито и ответила с набитым фасолью и латуком ртом:

– Я и есть подросток. – Птера нахмурилась, глядя как она с трудом глотает кусок буррито. Впрочем, если Эхо не умела красиво есть, то Птере следовало винить в этом только себя.

– Только когда тебе это удобно, – парировала Птера.

В ответ Эхо не нашла ничего лучше, чем начать жевать с открытым ртом.

– Ладно, – вздохнула Птера, оглядывая полки, уставленные всевозможными блестящими безделушками, – я рада, что ты вернулась, моя маленькая сорока. Стащила сегодня что-нибудь интересное?

Эхо ногой пододвинула рюкзак к Птере.

– Вообще-то да. С днем рождения.

Птера поцокала языком, но скорее от удовольствия, чем от досады.

– Дался тебе этот день рождения. Я и не помню, когда он у меня: слишком уж старая.

– Вот поэтому я сама выбрала для тебя дату, – пояснила Эхо. – Давай, открывай подарок. Меня едва не поймал колдун, у которого я это стянула.

– Всего один? – со смехом проговорила Птера и выудила из рюкзака музыкальную шка-тулку с осторожностью, которой та едва ли заслуживала. – Вот уж не думала, что один-единственный колдун может помешать такой талантливой воровке. Ты же сама всегда хвасталась, что можешь, как ты выражаешься, вломиться в дом к любому, самому сильному магу.

Эхо нахмурилась, но выглядела при этом не слишком сурово, потому что к ее нижней губе прилип кусок латука.

– И ты теперь меня этим попрекаешь?

– Кто же еще тебе скажет, что глупо быть такой самонадеянной? – укорила Птера, но добрая улыбка смягчила ее слова. – Молодежь считает себя неуязвимой, пока не убедится в обратном. И обычно это жесткий урок.

Эхо в ответ лишь плечами пожала. Птера окинула взглядом комнату. Интересно, подумала Эхо, что думают о ее жилище посторонние. Повсюду стопки книг, ворованные драгоценности, которых хватило бы, чтобы дважды оплатить обучение в колледже, мятые обертки от шоколадных батончиков. Словом, полный бардак, конечно, но это ее бардак. По морщинке на лбу Птеры, Эхо поняла, что он ей неприятен.

– Далась тебе эта библиотека! Живи с нами в Гнезде. Некоторые птерята, насколько мне известно, будут только рады.

– Мне нужно личное пространство, – только и ответила Эхо.

Она умолчала, что пространство это должно быть подальше от птератусов. Ее гладкая кожа без ярких перьев, как у них, слишком живо напоминала, что она здесь чужая. Эхо не хотелось, чтобы на нее косились, давая понять: пусть она с ними, но не одна из них. А они постоянно бросали на нее косые взгляды, как будто ее присутствие нарушает естественный ход вещей. И даже если за эти годы они привыкли к Эхо, это не значит, что они ее полюбили.

Библиотека была ее домом. Книги не тарасились на нее со злобой, не шептали гадости за спиной, не осуждали. Они были ее единственными друзьями, пока Птера не нашла ее, голодную и одинокую, и не притащила в Гнездо птератусов. Книги были ее семьей, учителями, товарищами. Они ее никогда не предавали, и она их тоже не предаст.

Тяжелый вздох Птеры Эхо знала так же хорошо, как биение собственного сердца.

– Ладно. Делай, как знаешь. – Птера опустила глаза на музыкальную шкатулку, которую сжимала в руке. – Какая прелесть!

Эхо пожала плечами, не в силах удержаться от довольной улыбки.

– Лучшее, что мне удалось найти, учитывая обстоятельства.

Птера склонила голову набок, не отрывая взгляда от шкатулки.

– А почему ты выбрала именно ее?

– Она мне понравилась. Красивая, – ответила Эхо. – И играет твою колыбельную. А что? С ней что-то не так?

– Да нет. – Птера покачала головой. – Скорее наоборот. Ее сделали птератусы, но я таких вещиц не видела уже много лет. Даже десятилетий.

Птера, казалось, наобум нажала на стенки шкатулки, и не успела Эхо спросить, что это она делает, как у самого дна открылся потайной ящичек. Птера вытащила оттуда клочок бумаги.

– А это еще что? – изумилась Эхо.

Птера аккуратно развернула бумажку и широко раскрыла глаза от удивления.

– Ого! Ничего себе!

Эхо подалась вперед, но за руками Птеры ей ничего не было видно.

– Что? Что там такое? Не томи.

– Я думала, что мы потеряли ее навсегда. Но точно не знаю. Пока, по крайней мере. – Птера поднялась, сложила бумажку и сунула в один из потайных кармашков платья. – Пошли. Поговорим об этом в Гнезде.

– Может, попозже? – спросила Эхо, помахав перед Птерой буррито. Куски риса и сыра посыпались ей на колени. – Я вообще-то хотела доесть буррито.

Птера приподняла бровь, и Эхо поняла все без слов.

– Ну хорошо, – пробормотала она и завернула буррито в фольгу. Оно казалось таким грустным, одиноким, недоеденным. Печально, что ни говори. Эхо встала, отряхнула джинсы. – Но надеюсь, это того стоит.

– Еще как, – уверила ее Птера, поднялась, и вокруг ее ног закружились чернильные вихри междумирья. Сердце Эхо екнуло от предчувствия того, что сейчас произойдет. Перемещаться по междумирию без надежной поддержки, которую обеспечивают двери, – сущая авантюра. Птера протянула Эхо руку.

– Напомни мне, дитя мое, рассказывала ли я тебе легенду о жар-птице?

Глава третья

Даже толстые каменные стены Крепости виверны не могли заглушить грохота волн, разбивающихся о скалы, и завывания ветра. Океан ревел, с беспощадной яростью обрушиваясь на фундамент. Гай завидовал натиску волн, их неистовству, бешеному исступлению, с которым они так упорно пытались сокрушить твердыню. Он закрыл глаза и на мгновение представил себе капли воды на лице. Если бы он мог позаимствовать у океана хоть малую толику его мощи! Но Гай – не океан, а преграды, с которыми ему пришлось столкнуться, – не податливее каменных стен.

– Ваша верность достойна уважения, – проговорил он, поворачиваясь к пленникам. – Я не шучу.

На полу темницы стояли на коленях два разведчика птератусов. Их запястья были скованы за спиной тяжелыми железными наручниками. Перья, некогда яркие, цветастые, потускнели под толстым слоем крови и грязи. Тот, что слева, с пестрым, как у филина, оперением, покачивался, стараясь удержать равновесие. Второй напомнил Гаю сокола, маленького и гладкого, с зоркими желтыми глазами. Он даже не дрожал. Стоял как скала, спокойно и твердо. Гаю было проще видеть в них птиц, на которых они походили, чем людей: легче сделать то, что он должен был сделать. Сокол плюнул ему под ноги, и капли крови, смешанные со слюной, упали на сапоги Гая.

– Ничего мы вам не скажем. – Сокол держался уверенно и дерзко, несмотря на то, что перед ним сам Повелитель драконов. Что ж, похвально.

Гай кивнул двум стражникам, стоявшим позади пленников. То были огнедышащие драконы, самые грозные воины армии дракхаров. Для двух изможденных птератусов такая мощная охрана была излишней, но иногда не мешало припугнуть. Драконы схватили филина за руки. Сокол с ужасом глядел на них.

– Ты – нет, – проговорил Гай. – А он скажет.

Драконы рывком подняли пленника на ноги и потащили к Гаю. Филин взмолился о пощаде. Голос его звучал так громко, что даже рев океана не смог его заглушить. Золоченые доспехи стражников блестели в неярком свете факелов, горевших в темнице.

Гай положил руку филину на щеку, стараясь не оставить синяка. От его прикосновения пленник вздрогнул и умолк.

– Расскажи мне, что я хочу знать, – негромко и мягко проговорил Гай, как будто выманивая перепуганное животное из укрытия. – И я обещаю, что буду милосерден.

Сокол попытался было подняться, но один из драконов пнул его в колено, и птератус, роняя перья, рухнул на пол.

– Драконы не знают милосердия, – прошипел сокол. В глазах его горела неудержимая ярость. Огнедышащий дракон наступил пленнику на горло каблуком, и тот замолчал.

Гай не обратил на выпад пленника никакого внимания: он пристально смотрел на филина.

– Что вам понадобилось в Японии? Вот уже больше века это земля дракхаров. Что вы там забыли?

Филин оближал запекшиеся губы, поглядывая то на Гая, то на того, кто стоял за его спиной.

«Так не пойдет», – подумал Гай и сильнее сжал лицо пленника, чтобы тот не отвлекался.

– Я всегда держу слово, что бы обо мне ни болтали, – проговорил Гай. – Если ты все расскажешь, обещаю, что проявлю к тебе и твоему товарищу заслуженное милосердие.

Филин проглотил комок в горле и часто заморгал. Его огромные зрачки сужались и расширялись с пугающей быстротой. Наконец он заговорил, но так тихо, что Гаю пришлось наклониться, чтобы расслышать его слова.

– Нас послал генерал.

Гай с такой силой заскрипел зубами, что у него хрустнула челюсть.

– Генерал Альтаир?

Пленник часто-часто закивал, совсем как птица, на которую походил.

Гай провел большим пальцем по щеке филина. Того пробрала мелкая дрожь от пяток до взъерошенных перьев на висках.

– И что же вам велел Альтаир?

– Предатель, – плюнул в товарища сокол. Огнедышащий дракон снова наступил ему на горло, и птератус вскрикнул от боли. Филин трясся всем телом, так что перья на его руках трепетали. Он попытался было оглянуться на сокола, но Гай удержал его голову.

– Продолжай.

Филин снова облизнулся и произнес, то и дело прикусывая нижнюю губу:

– Генерал... хотел, чтобы мы нашли...

Гай сдавил филину горло и провел большим пальцем по бьющейся жилке.

– Нашли что?

– Жар-птицу.

Гай сделал над собой усилие, чтобы его лицо оставалось таким же равнодушным и бесстрастным, каким обычно бывало при дворе. Слишком долго он ждал, чтобы кто-то произнес эти слова.

– И как, удалось?

– Нет. – Пленник покачал головой, как птица.

– Значит, нет, – повторил Гай. Ну разумеется. Как всегда, поиски ни к чему не привели.

Гай выпустил филина и отступил на шаг, едва удержавшись, чтобы не вытереть ладонь о штаны.

– Что ж, спасибо. Мы вознаградим вас за помощь. – Гай снова кивнул огнедышащим драконам. Те оттащили филина назад и подняли сокола на ноги. – Убейте их.

Глаза филина впервые полыхнули огнем.

– Вы же обещали, что будете милосердны.

– Я и так милосерден, – ответил Гай и отвернулся. – Вы умрете быстро.

Птератусов уволокли вглубь темницы. Гай смежил веки. Он видел странные широкие глаза филина так же ясно, как несколько мгновений назад, но тут какой-то посторонний звук нарушил тишину, и образ рассеялся.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Гай обернулся. Перед ним стояла его сестра, Танит, великолепная в своих золоченых доспехах, даже несмотря на покрывавший их слой сажи и запекшейся ржавой крови. Светлые локоны выбились из косы, мягким золотом обрамляя лицо. Малиновые глаза весело блестели. Это ее огнедышащие драконы поймали двух птератусов, и Танит торжественно привела окровавленных и избитых пленников к Гаю. От усердия сестры ему было тошно.

«Что ж, по крайней мере, хоть один из нас получил удовольствие от этого спектакля», – попытался успокоить себя Гай.

– Молодец, брат. А я уж боялась, что ты утратил былую хватку. – Танит шагнула к нему, звеня доспехами. Плечи ее покрывал длинный тяжелый пурпурный плащ, полы которого с шуршанием волочились по полу. – А вообще-то ты зря стараешься. Жар-птицу не найти, потому что и искать-то некого. Ее не существует, что бы там себе ни воображал этот чокнутый генерал птератусов.

Гай запустил руку в свои темные волосы. За последние недели они заметно отрасли. Интересно, считают ли придворные своего господина неряхой?

– Мне всего лишь нужно чуть больше времени.

– Ты и так его достаточно потратил, – парировала Танит, – на поиски мифического создания, которого и в природе-то не существует. Сказочной птицы, которая, может, вовсе и не птица. Время уходит, твои подданные устали ждать.

– Я их повелитель, – отрезал Гай. – Ради меня подождут.

– Ты их повелитель до тех пор, пока они этого хотят. – Танит покачала головой. Ее золотистые локоны рассыпались по эполетам. Гай и Танит были близнецы, но, кроме пестревших чешуйками высоких скул, у них не было почти ничего общего. Гай всегда был спокойным, мужественным, старательным, Танит же – сама страсть, пламя, ярость. – И лучше бы тебе об этом не забывать.

– Ты мне угрожаешь? – поинтересовался Гай. С такой сестрицей надо держать ухо востро.

– Нет. Я всего лишь говорю то, что есть. – Танит улыбнулась, но улыбка вышла сухой и угрюмой. – Драконы не отличаются терпением. А эта погоня за жар-птицей... полный идиотизм.

Гай отвернулся от Танит и отошел к изысканно украшенному камину, который занимал почти всю дальнюю стену комнаты. По обеим сторонам его сидели два каменных дракона с разинутыми пастьями, так что казалось, будто они выдыхают пламя, вот только угли уже несколько часов как потухли. Гай слышал, как стоявшая позади него Танит переступает с ноги на ногу от нетерпения. Мелко, конечно, но он заставил ее подождать несколько мгновений, прежде чем спросить:

– Ты не согласна с моим решением? – Гай вытер грязные руки о тряпку, лежавшую на камине. Испачкался о филина.

Танит фыркнула. Она никогда не отличалась вежливостью.

– Можно подумать, в первый раз. Или ты уже забыл... как бишь ее звали?

Гай отвернулся. Каменные драконы равнодушно тарасили на него изумрудные глаза. Он ничего не ответил сестре. Танит прекрасно помнила это имя, да и он не забыл. Повисло тяжелое молчание: слишком многое они не сказали друг другу.

– Это было давно, – тихо произнес Гай. – Что толку об этом вспоминать. – Интересно, догадалась ли Танит по его голосу, что он врет.

– Те, кто забывает свою историю, – Танит шагнула ближе и посмотрела ему в лицо, – обречены ее повторить. – Сестра подняла руку, и на ее ладони вырос язычок пламени. Танит щелкнула пальцами, и в потухшем камине снова вспыхнул огонь. – Ты с этой жар-птицей снова вляпаешься, а я разгребай.

Гай оперся руками о каминную полку и наклонил голову, так что его длинные волосы упали на лицо и скрыли из виду Танит. Он устал. От этого разговора, от попыток убедить Танит в правильности своих поступков, от необходимости не замечать критических взглядов и недовольного шепота собственных подданных: шло время, а ему нечего было им сказать.

– Жар-птица существует. – Он твердил это уже добрую сотню лет, да только Танит все ему не верила. – Она существует, и это наша единственная надежда положить конец войне.

На его плечо легла маленькая рука, окрепшая за годы битв. Гай не слышал, как Танит сняла рукавицы. Он устал и от этого плохо соображал.

– Жар-птица – выдумка. Сказка. Не более. Ты упускаешь из виду то, что действительно важно.

Вот ведь гадюка. Гай обернулся к Танит.

– Если это не важно, если поиски жар-птицы – пустая трата сил и времени, тогда что важно? Что, по-твоему, важно, если не желание как можно скорее положить конец войне?

– Победа, – не раздумывая, ответила Танит. Для нее все просто. И всегда так было. Гай завидовал такой простоте. Удобно, наверное, так жить. – Ты не хуже меня знаешь, что перемирие – фарс, того и гляди, снова разразится открытая война, особенно если они будут засылать к нам шпионов.

– Как мы к ним? – уточнил Гай.

– Можно подумать, война бывает честной.

– Совершенно верно, не бывает. Я не настолько наивен, чтобы считать иначе.

– Я бы не удивилась, если бы у тебя было другое мнение на этот счет, – парировала Танит.

– Скажи, сколько времени ты уже потратил, сколько сил потерял на эти бесплодные поиски?

– Я не считаю их пустой тратой времени и сил. Я лишь пытаюсь помочь нашим подданным, хочу положить конец войне. Если верить пророчествам, это может сделать только жар-птица.

– Я хочу того же, но все пророчества – полная чушь. Нашим подданным нужны конкретные результаты, а не сказки.

«Сказки, – подумал Гай. – Как же мне надоело слышать это слово».

– Ты когда-нибудь задавала себе вопрос, зачем воюешь?

Танит лишь пожала плечами. На ее покрытых грязью доспехах плясали отблески огня.

– Я воюю, потому что это мой долг. Эту кровавую вражду развязали птератусы. А я положу ей конец. Из-за их слепой жажды власти мы утратили могущество. А ведь когда-то дракхары умели превращаться в драконов. В настоящих драконов, Гай! Когда-то мы парили в небесах и опаляли врагов огнем.

На губах Гая показалась еле заметная улыбка.

– И кто из нас теперь пересказывает сказки?

Танит сложила руки ковшиком и дунула в них. Крохотный шарик пламени вспыхнул и повис над ее ладонями, точно блуждающий огонек.

– Некоторые из нас до сих пор дышат огнем.

– Так, да не так: ты его вызываешь. И даже если бы эта старая сказка была правдой, все равно, если мы уничтожим всех птератусов, то не вернем того, что потеряли.

Танит хлопнула в ладоши, и пламя погасло.

– Думай что хочешь. А я верю в то, что вижу и чувствую. Даже если после истребления птератусов к нам не вернется наше волшебство, все равно мне от этого будет лучше. Я добиваюсь справедливости для наших подданных и хочу положить конец угрозе. И тебе бы тоже следовало подумать именно об этом, а не о волшебной птице, о которой ты прочел в книге.

Гай повертел головой и выгнул спину, потягиваясь. Ему давно пора было отдохнуть.

– Не в книге, а в книгах.

– Ну да, половину из которых написали птератусы. В следующий раз смотри, что читаешь. Им нельзя верить.

– Я устал воевать, – тихо произнес Гай. Он знал, что Танит его услышит, а вот прислушается ли к его словам – уже другой вопрос. Понимая, что глупо ее об этом спрашивать, все-таки не смог удержаться: – А ты?

Танит склонила голову набок и прищурилась. В свете факела чешуйки на ее скулах, так похожие на его собственные, радужно переливались. Красные глаза ее блеснули.

– Нет, – отрезала она.

Слово повисло в воздухе, короткое и четкое, словно подводя итог разладу, начавшемуся много лет назад и с годами лишь углубившему пропасть между ними. А ведь когда-то все было иначе. Прежде брат с сестрой были неразлучны. Они носились по залам этой самой крепости, оседлав палки, воображая себя настоящими наездниками, и сражались на тупых деревянных мечях, играя в войну, смысла которой толком не понимали. Но девочка в непослушных золотых кудряшках, с пухлыми ручками, липкими от сладостей, ничуть не походила на женщину,

которая стояла сейчас перед ним, величественная и грозная, гордая тем, что запятнала себя кровью врагов. Сестра его выросла и стала красивой, беспощадной и совершенно ему чужой. Иногда он скучал по той девочке, которой Танит была много лет назад, пока битвы и кровопролитие не ожесточили ее.

Взгляд Танит смягчился. На мгновение она стала той, прежней. Не полководцем, а сестрой Гая.

– Мы должны опередить птератусов. Промедление дорого обойдется дракхарам. Я, как и ты, хочу нашим подданным добра.

Гай тяжело вздохнул и отошел от Танит. Он был сыт по горло ею и ее сомнениями.

– Спасибо, Танит, можешь идти.

Сестра бросила на него тяжелый взгляд. Лицо ее было непроницаемо. Гай ждал, что она возразит ему. Как самый старший полководец армии дракхаров, Танит привыкла отдавать приказы, а не исполнять их, но все же Гай был рангом выше ее. Вот уже сотню лет он был Повелителем драконов, самым молодым из всех, кого когда-либо выбирали на этот пост. За годы войн и политических интриг Гай доказал, что достоин этого титула. И его сестре не мешало время от времени напоминать, что корона дракхаров венчает голову Гая, а не ее.

Спустя минуту Танит развела руками в легком поклоне:

– Как прикажете, повелитель.

«Если бы неискренность Танит была золотом, – подумал Гай, – я бы давным-давно стал богачом».

Глава четвертая

Эхо была рада, что не доела буррито. Когда мрак междумирья сменился теплым золотистым светом комнаты Птеры, в животе у Эхо было беспокойно, как на море в шторм, хотя они проделали не такой уж и длинный путь. Гнездо располагалось прямо под библиотекой на Пятой авеню, но, насколько Эхо было известно, никто из людей, кроме нее, не догадывался о его существовании. И каждый раз, когда она путешествовала с Птерой без помощи сумеречной пыли и рукотворных порталов, ее едва не выворачивало. А Птере хоть бы хны. Ее перья оставались такими же гладкими и шелковистыми, черными, как само междумирье. Может, в Птере есть его частица. Тогда понятно, почему она, окутавшись мраком, точно плащом, перемещается куда угодно, с порталом или без. Эхо постояла, привыкая к свету, пока последние полосы темноты не рассеялись в воздухе, точно дым на ветру.

– Так что это за жар-птица такая? – спросила Эхо, потирая живот. – И какое отношение она имеет к этой музыкальной шкатулке?

Птера устало пробормотала себе под нос «ох уж эти дети» и провела Эхо в свое укромное гнездышко с его разномастной мебелью, гобеленами и подушками. По всей комнате были расставлены вазочки с разнообразными конфетами. Пристрастие птератусов к сладкому вошло в поговорку. Эхо помнила, как в детстве зарывалась в подушки и канючила, чтобы Птера перед сном рассказала ей еще одну сказку и дала еще печенья.

Птера опустила в плетеное кресло посередине комнаты и кивнула Эхо, чтобы та тоже садилась. Девушка повалилась лицом вниз на кушетку, обитую бордовым бархатом, от которого слабо пахло лавандой и нафталином, и схватила шоколадное печенье с тарелки, стоявшей на деревянном журнальном столике. От шоколадного печенья любая тошнота вмиг пройдет.

– Ответ на один вопрос повлечет за собой другие. Слушай. – Птера несколько раз повернула ручку музыкальной шкатулки и открыла ее. Полилась металлическая мелодия, и птичка завертелась вокруг своей оси.

– Ну правильно. Колыбельная сороки. Поэтому я ее и взяла. – Эхо вяло пошевелила пальцами, словно дирижировала маленьким оркестром. – Одна сорока – к скорби, две – к смеху и веселью.

Птера нежно улыбнулась.

– Три к смерти, а четыре – к младенцу в колыбели.

– Пять к серебру, а шесть сорок нам золото сулят, – пропела Эхо, и они закончили вместе:

– Семь – к сокровенной тайне, что бережно хранят.

Эхо потерлась щекой о колючий бархат кушетки и вздохнула.

– Нет, это все здорово, конечно, но только не говори, что я не доела буррито только для того, чтобы мы с тобой тут повспоминали прошлое.

– Не хами, – бросила Птера и достала из кармана сложенный в несколько раз пергамент.

Уткнувшись лицом в кушетку, Эхо глухо пробормотала:

– Вот такая уж я хамка уродилась. – Девушка приподнялась на локтях. – Так ты мне расскажешь, что за таинственную бумажку ты нашла в шкатулке, или нет?

Птера осторожно развернула пергамент.

– Это, дорогая моя Эхо, самая важная карта, которую тебе когда-либо доведется увидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.